

Гриценко А.А., д-р екон. наук
Національний банк України

ЧЕРЕЗ ВІДЧУЖЕННЯ ДО СВОБОДИ (до 135-річчя виходу у світ I тому “Капіталу” К.Маркса)

Досліджується методологічне значення “Капіталу” К. Маркса для теоретичного осмислення сучасних проблем розвитку суспільства, у тому числі перехідної економіки, його співвідношення з неокласичною, кейнсіанською та інституційною течіями економічної думки, розкриваються деякі напрямки використання марксистської спадщини в сучасному науковому аналізі, показані історичні межі та перспективи економічної теорії К. Маркса.

ЧЕРЕЗ ОТЧУЖДЕНИЕ К СВОБОДЕ (к 135-летию выхода в свет I тома “Капитала” К.Маркса)

“Капитал” К.Маркса относится к незначительному количеству книг, существенно повлиявших на ход мировой истории. В какой-то мере его судьба сходна с известными религиозными произведениями: Библией, Кораном. На первый взгляд это кажется странным. Ведь в первом случае речь идёт о научном труде, о воспроизведении действительности в научных понятиях, во втором – о вере – феномене, противоположном науке. Однако эта странность исчезает при более внимательном рассмотрении вопроса.

Несмотря на то, что “Капитал” издавался огромными тиражами, и в той части мира, которая называлась социалистической, был предметом обязательного изучения в учебных заведениях, мало кто смог прочитать все его четыре (а не три, как часто считают) тома полностью и внимательно; ещё меньше тех, кто понял смысл и значение его содержания. В начале века В.И.Ленин, штудирова “Науку логики” Гегеля, заметил, что “... никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя!” [1, с. 162]. Почти через полтора века это утверждение стало, пожалуй, ещё более справедливым. Да и при жизни К.Маркс, знакомясь с некоторыми интерпретациями своих взглядов, говорил, что в таком случае он не марксист.

Почему же основное произведение К.Маркса “Капитал” так трудно даётся, ускользает из рук всякий раз, когда его хотят использовать как знамя и оружие, но затем возвращается снова и снова, – подобно неуловимому призраку, появляющемуся неожиданно и в непредсказуемом месте. Почему общество, которое объявляло себя социалистическим и было совсем непохожим ни на что из того, о чём писал Маркс, относилось к нему как к идолу и непререкаемому авторитету, а общество, относительно которого ответы на многие вопросы можно прямо найти в тексте “Капитале”, старается не упоминать основное произведение классика.

В то же время на Западе в рамках экономической науки к Марксу относились и относятся как к одному из наиболее крупных экономистов, оставивших неизгладимый след в науке. Известный историк экономической мысли М.Блауг отмечает: “В своей ипостаси экономиста Маркс продолжает жить и всё ещё актуален как ни один из авторов, которых мы рассматривали до сих пор. Маркс подвергался переоценке, пересматривался, опровергался, его хоронили тысячекратно, но он сопротивляется всякий раз, когда его пытаются отослать в интеллектуальное прошлое. Хорошо это или плохо, но его идеи стали составной частью того мира представлений, в рамках которого мы все мыслим.” [2, с. 207]. Можно приводить десятки высказываний

выдающихся западных ученых-немарксистов в области экономики и обществознания, нобелевских лауреатов, высоко оценивающих вклад К.Маркса в науку и его актуальность. В Украине, несмотря на преобладание в общественном сознании пока еще “зряшного отрицания” (Гегель), собственно научная традиция в отношении к теоретическому наследию К.Маркса не утеряна. А.Гальчинский, подчеркивая значение К.Маркса для понимания нашей собственной истории, отмечает, что современные попытки вычеркнуть идеи К.Маркса из общественного сознания угрожают отбросить наше миропонимание далеко назад. Хотим того или нет, мы таким способом отсекаем от себя гигантский массив человеческой культуры [3, с. 271]. Приятно отметить, что в Украине был сделан первый на постсоветском пространстве перевод с французского на украинский язык книги известного французского ученого Жака Деррида “Les Spectres de Marx” (“Привиди Маркса”) [4] с обширным и глубоким введением А.Мамалуя “ДЕРРІ/ДА/ДІАДА. Пост(недо)модерні привіди до “Привидів Маркса” Ж.Дерріда”.

Но К.Маркс остается актуальным не только как экономист. В 1990–2000 гг. в мире выходило в среднем 20–30 монографий, специально посвященных К.Марксу. В большинстве из них анализируются различные философские, социологические, политологические, исторические, теологические, культурологические, юридические и другие не собственно экономические проблемы в связи с марксистским наследием¹. К этому следует добавить сотни статей, в которых в том или ином аспекте прямо затрагиваются взгляды К.Маркса, и тысячи работ, в которых марксовы подходы присутствуют имплицитно в силу их более чем столетнего существенного влияния на мировую историю и культуру.

Понять все хитросплетения судьбы марксовых идей возможно, только проследив их отношения с изменяющимся реальным историческим контекстом. Исходной объективной исторической предпосылкой марксовых размышлений и научных исканий были социальные противоречия того времени, социальное неравенство и несправедливость, желание освободить человека от социального гнёта, что так естественно для юноши, вступающего в жизнь. Изучая взгляды предшественников, К.Маркс пытается не нарисовать образ будущего, чтобы в соответствии с ним преобразовать действительность, а выявить реальные закономерности и тенденции развития общества, чтобы построить деятельность в соответствии с ними. Уже в “Экономическо-философских рукописях 1844 года” центральное место занимает анализ отчуждённого труда и реальных возможностей его преодоления. В этом контексте К.Маркс обращает внимание на коммунизм, который он трактует как реальную, заключающуюся в самой действительности гуманистическую тенденцию преодоления отчуждения труда и частной собственности. Преодолевая первые, грубые представления, К.Маркс трактует “коммунизм как *положительное упразднение частной собственности – этого самотчуждения человека –* и в силу этого как подлинное *присвоение человеческой сущности* человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку *общественному*, т.е. *человечному*. Такой коммунизм, как завершённый натурализм, = гуманизму, а как завершённый гуманизм, = натурализму; он есть *действительное* разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Он – решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение.” [5, с. 116].

Поиск Марксом объективных, материальных закономерностей общественной жизни приводит его к политической экономии. “Мои исследования, – писал К.Маркс,

¹ Такой вывод сделан на основе изучения библиографических данных библиотеки Конгресса США.

– привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII века, называет “гражданским обществом”, и что аналогии гражданского общества следует искать в политической экономии.” [5а, с. 6].

Открыв в производственных отношениях подлинную основу и корень всей общественной жизни, К.Маркс сосредоточил своё внимание на изучении капиталистических производственных отношений. Этому и посвящён “Капитал” – главный труд всей жизни К.Маркса, конечной целью которого являлось открытие экономического закона движения капиталистического общества. [5б, с. 10].

В свете дальнейшей судьбы “Капитала” и основной коллизии XX века, которая началась с раскола мира на две противоборствующие социально-экономические системы и завершилась прекращением этого противоборства вследствие распада социалистической системы в конце XX столетия, следует отметить подчёркнутое К.Марксом с самого начала обстоятельство, что развитие общества представляет собой естественный процесс, в котором “общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития ... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов” [см. там же]. Вся история советского общества была попыткой перескочить естественные фазы развития, которые пробивали себе дорогу в различных превращённых формах и относились в советском обществе к разного рода рудиментам, недостаткам развития и другим “отрицательным” явлениям.

Именно в этом историческом нетерпении, попытках приблизить будущее, ускорить его приход (что тоже имеет свои объективные основания в стране, в которой, с одной стороны, реально обнаружили себя тенденции, заложенные в развитии капитала, с другой – широко были распространены добуржуазные отношения) содержится ключ к пониманию истории XX века и судьбы “Капитала”. Марксов вывод об исторической тенденции капиталистического накопления, которая заключается в том, что централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой, она взрывается, бьёт час капиталистической частной собственности, экспроприаторов экспроприируют [см. 5б, с. 773] – был истолкован как непосредственный призыв к установлению общественной собственности. Между тем это вовсе не следует из логики К.Маркса, который писал, что “эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, путём централизации капиталов” [см. 5б, с. 772].

В этом плане представляют интерес мысли К.Маркса, изложенные сразу же за положением об экспроприации экспроприаторов: “Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, и следовательно, и капиталистическая собственность, есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса своё собственное отрицание. Это – отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную, а индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землёй и произведенными самим трудом средствами производства” [см. 5а, с. 773]. Заметим, что здесь Маркс трактует “превращение капиталистической частной собственности, фактически уже основывающейся на общественном процессе производства, в общественную собственность” [см. там же], как восстановление индивидуальной собственности. Это положение затрагивалось в споре Ф.Энгельса с Е.Дюрингом, В.Ленина с Н.Михайловским, оно по-разному интерпретировалось в советский период. И оно действительно наполняется разным содержанием в соответствии с развитием самой экономической действительности. Возможность такого исторического развития содержа-

ния данного положения заключена в самой диалектике общественной собственности. Поскольку собственность является общественной, ею *посредством общества* обладает каждый индивид. Иначе говоря, собственность индивида на факторы производства опосредована его отношениями с обществом. И от способа этого опосредования зависит содержание реализации индивидуальной собственности. В условиях машинного способа производства оно может заключаться в гарантированном соединении каждого индивида со средствами производства. В постиндустриальном обществе, где основными ресурсами становятся информация, знания, способности человека, общественная собственность на эти ресурсы не может реализоваться иначе как через овладение каждым человеком знаниями, информацией, способностями, превращение их в свою индивидуальную, личную собственность. Это хорошо корреспондируется с содержащимся в “Экономическо-философских рукописях 1844 года” положением К.Маркса об “истинно человеческой и социальной собственности” [см. 5, с. 98].

Кроме отмеченных выше и некоторых других высказываний, сделанных по ходу исследования и совсем необязательных для него, “Капитал” не содержит никаких специальных рассуждений о будущем устройстве общества. Он посвящён исключительно выяснению законов движения современного К.Марксу капиталистического способа производства. Исследуются товар, стоимость, деньги, капитал, наёмный труд, зарплата, прибыль, накопление, земельная рента и т.д. И ничего более.

Как же так? Основное произведение научного коммунизма (по выражению В.И.Ленина) не содержит никаких обязательных рассуждений ни о социализме, ни о коммунизме. И это принципиально. Дело в том, что К.Маркс подходит к исследованию как учёный. Он изучает реальность – капиталистический способ производства, и будущее попадает в поле зрения только лишь как вполне реальная тенденция развития капитала, существующая в самой действительности. Попытка же дорисовать черты будущего на основе исторически сложившихся представлений о справедливости и равенстве означает конец научного анализа и начало чисто идеологического подхода.

Превращение “Капитала” из научного произведения в идеологическое (в смысле: оторванное от действительности, которую оно отражает, и живущее по своим самостоятельным, не зависящим от реальности законам) оружие составляют методологическую основу всех его последующих превращений и злоключений. Именно поэтому судьба “Капитала” стала похожа на судьбу религиозных (чисто идеологических) произведений.

Поскольку “Капитал” никак прямо не проецировался на будущее, постольку не оставалось ничего другого как освятить его именем свои собственные (не полученные научным путём) взгляды на новое устройство мира. А так как между существующей действительностью, “Капиталом” и образом будущего образуется разрыв, несоответствие, то “священное имя” можно удержать, только оградив его от научной критики, превратив в абстрактный образец и непререкаемый авторитет, одновременно монополизировав право толковать его значение. Это полностью совпадает со структурой религиозного сознания. Различие состоит только в ином формальном обозначении этого процесса.

Широким массам в советском обществе внедрялась мысль о “Капитале” как образце научного подхода к анализу действительности, что само по себе не вызывало бы возражений, если бы образец не понимался догматически, как абстрактный пример для подражания. Догматическое же его понимание означает кастрацию “Капитала” – ведь действительность уже существенно изменилась. А “Капитал” остался образцом анализа той действительности, которая была, но не той, которая есть. И в этом смысле он стал мёртвым примером. А всякие попытки оживить его в корне пресекались, так как это разрушало всю идеологическую систему.

Тем не менее в рамках идеологического подхода попытки превратить “образец” в познавательное средство были. Они заключались в стремлении выделить

из экономического содержания “Капитала” логическую схему, которую можно было бы затем наложить на “социалистическую” действительность и наполнить новым экономическим содержанием. Однако такие попытки не увенчались и не могли увенчаться успехом. В лучшем случае это было бы возвращением к “Науке логики” Гегеля [6], где в чистом виде и представлена та логика, которая реализована в “Капитале”, т.е. это было бы возвращением к тому рубежу, с которого начинал К.Маркс и который он преодолел, ибо логика неотделима от реального предмета исследования, она и есть собственно логикой этого предмета. Совпадение чисто логической мыслительной схемы с мыслительной схемой Гегеля здесь носит формальный, непредметный характер и не выражает существа метода Маркса.

Подлинное методологическое и прогностическое значение “Капитала” состоит совсем в другом. К.Маркс исследует экономическую структуру современного ему общества. Эта структура выросла из предшествующей феодальной структуры и переходит в будущую структуру. Капиталистический способ производства, разорвав естественную связь производителей с основным средством производства (в добуржуазных обществах – с землёй), превратил соединение производителей с основными средствами производства в практическую экономическую проблему, которая всякий раз разрешалась и возникала вновь на основе законов товарного производства. Если раньше земля как основное средство производства была предметным продолжением человека, его неорганическим телом, то теперь основные средства, созданные трудом человека и воплотившие в себе практически его предметно-созидательную сущность, отчуждены от человека. Это отчуждение, создавшее, с одной стороны, возможность изучения сущности человека в её предметном воплощении, с другой – актуализировавшее проблему преодоления человеком его отчуждённости от своей предметной сущности, открыло реальные перспективы своего снятия посредством присвоения человеком созданного им предметного мира и превращения его в собственный мир человека.

Научное воспроизведение капиталистического способа производства создаёт понятийный аппарат, с помощью которого можно понять существующую действительность, её ретроспективу и перспективу. Дело не в том, что в “Капитале” воплощена некая логическая схема, высвободив которую и снова приложив к новому предмету, можно получить научное описание новой реальности, а в том, что весь “Капитал”, его категории и понятия представляют методологическое средство познания изменяющейся действительности.

Это можно пояснить и на таком примере. У Вас спрашивают: “Что такое инфляция?” Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо использовать целый ряд понятий: денег, цены, товара, стоимости, обращения и т.д. Эти категории и есть то методологическое средство, с помощью которого спрашивающий познал с Вашей помощью, что такое инфляция. Если нет этих понятий, то познать инфляцию невозможно. Она останется пустым звуком, за которым нет никакого содержания. Точно так же и новые экономические явления изменяющейся действительности могут быть поняты только на основе существующей системы знаний. Как бы ни изменилась современная экономическая действительность, она выросла из той реальности, которая научно описана Марксом, и понять её без этого исторического и вместе с тем логического начала невозможно.

Точно так же исходная экономическая система понятий служит средством познания прошедшей действительности (не в смысле абстрактной схемы, а как развитая система категорий, позволяющая теоретически воспроизвести менее развитые отношения).

Именно такая методологическая работа находится в зачаточном состоянии и её только предстоит выполнить для познания как перспективы, так и ретроспективы. В этом смысле значение “Капитала” как метода познания современности будет возрастать. Но этот метод должен углубляться, расширяться в более полную и конкретную систему по мере теоретического освоения новых реальностей. Поэтому исполь-

зование метода “Капитала” предполагает применение всей современной (включая неоклассическое, кейнсианское и институциональное направления) системы экономических знаний, исходную основу развертывания которых образует “Капитал”.

Конечно, неоклассическое направление с господствующей методологией маржинализма развивается в значительной степени независимо от марксизма с его методологией трудовой теории стоимости и внешне даже в противоположность ему. Это вытекает из сути методологии маржинализма, основанной на субъективной оценке предельных экономических величин. Эта методология изначально микро-экономическая: она нацелена на объяснения отдельных экономических явлений и процессов, фрагментов экономической действительности. Даже целое у нее образуется как совокупность фрагментов. Здесь господствует функциональный подход, который не обращает внимание на вопрос “что это такое?”, а нацелен узнать лишь “как это работает?” (функционирует).

Макроэкономика, которая, казалось бы, имеет противоположный микро-экономике предмет, основана на господстве того же функционального подхода. Целое для нее это результат взаимодействия микро- субъектов и процессов. Даже представитель целого – государство вводится в рассмотрение по законам функционирования микросубъектов.

В отличие от этой линия, идущая от А.Смита [7] (правда, от него идет и противоположная линия) – через Д.Рикардо [8], Г.Гегеля [см. 6] (которого можно рассматривать не только как великого философа-диалектика, но и как экономиста: достаточно вспомнить его анализ абстрактного труда, ценности, диалектики раба и господина и т.д.) – к К.Марксу, основывается на понимании целого как подлинного субъекта, не возникающего в результате взаимодействия частей, а изначально определяющего их как свои собственные, производные моменты, исторически и диалектически развивающиеся вместе с целым и в его рамках. Это логико-исторический (внутренне диалектический) метод познания явлений и процессов. Он не отрицает функциональных и иных подходов, а дает возможность понять способ возникновения явлений, их суть, логическую и историческую субординацию. Поэтому исходную основу современной интегрированной системы экономических знаний составляют все же не “Принципы экономической науки” А.Маршалла [9] и не “Общая теория занятости, процента и денег” Дж.М.Кейнса [10], а “Капитал” К.Маркса. Но для этого к нему нужно применить его собственную, логико-историческую, а не функциональную методологию.

Маржинализм и макроэкономическая методология могут быть интегрированы в исторически (перспективно и ретроспективно) модифицированную методологию трудовой теории стоимости (социально-временную теорию) [11], но никак не наоборот.

Что касается институционализма, то его сторонники зачисляют К.Маркса к представителям своего направления. А Дж.Коммонс, американский экономист – представитель раннего институционализма, называл К.Маркса первым институционалистом [12, с.186]. Такая интеграция экономических знаний и теорий имеет под собой объективную основу. Сбалансированная западная экономика продолжает быть реальным базисом функциональных подходов. Но ее быстрое развитие, изменение содержания и форм экономических отношений порождает определенные разрывы, практические “нестыковки” внутри системы и в ее связях с внешним миром, теоретические тупики и кризисы, которые можно разрешить теоретически только на основе интеграции логико-исторических и функциональных подходов, а практически – на основе всесторонней интеграции составляющих мирового сообщества. Так же, как развитые страны приобрели возможность стабильного экономического, социального и политического развития с созданием среднего класса (эта проблема является основополагающей для стабильности в переходных экономиках), так и на современном этапе мирового развития достичь его стабильности невозможно без создания “класса” средних стран, без преодоления раскола мира на небольшое число очень богатых и большинство очень бедных стран, на Север и Юг. “Средние” страны могут

стать тем социально-экономическим материком, который соединяет Север и Юг, Запад и Восток, различные идеологии, религии и культуры, как они соединены в экономически развитых странах.

Многие положения, которые у К.Маркса были только намечены в “Капитале” и рукописях неожиданно актуализируются и получают самое современное звучание, давая методологические ключи к пониманию сложнейших экономических и социальных процессов. Уже в элементарной клеточке капиталистического богатства – товаре – К.Маркс посредством анализа соотношения потребительной стоимости и стоимости, двойственного характера труда вскрывает основу всей последующей коллизии товарного и денежного мира, реальной и финансовой экономики, обнаруживает особый способ общественно-материального существования стоимости, которая хотя и воплощена в товаре, но сама по себе является непредметной и в предметном теле товара никак не может быть обнаружена. Тем не менее, предмет (товар) движется в экономике по законам стоимости. Он, например, может быть отправлен на другой континент, потому что там более высокие цены, хотя люди испытывают потребность в этом предмете в том обществе, где он произведен. Или во время кризиса он может быть просто уничтожен, потому что продавать его по низким ценам невыгодно, хотя в это же время существуют люди, которым этот предмет очень нужен. Судьба товара зависит от его стоимости и это порождает много странностей в его поведении. “...Стол, – писал К.Маркс, – остаётся деревом – обыденной, чувственно воспринимаемой вещью. Но как только он становится товаром, он превращается в чувственно-сверхчувственную вещь. Он не только стоит на земле на своих ногах, но становится перед лицом всех других товаров на голову, и эта его деревянная башка порождает причуды, в которых гораздо больше удивительного, чем если бы стол пустился по собственному почину танцевать” [см. 56, с. 81]. Так как подлинное основание поведения товаров остаётся скрытым для человека, последний начинает приписывать вещам неестественные свойства, которые они действительно приобретают в качестве носителей социальных качеств. Это явление, связанное с овеществлением общественных отношений, вследствие которого отношения между людьми принимают фантастическую форму отношений между вещами, которые, являясь продуктами труда человека, получают собственную жизнь и власть над своими создателями, К.Маркс называет товарным фетишизмом.

В этом же методологическом ключе К.Маркс анализирует превращенные формы стоимости. Хотя анализ превращенных форм воплощен в конкретном экономическом материале, его методологическое значение выходит далеко за рамки экономической теории. Поэтому не случайно не только экономисты, но и философы, социологи, лингвисты, психологи, психоаналитики и др. часто обращаются к марксовому анализу товарного фетишизма и превращенных форм. В психоанализе, например, очень важно за внешне декларируемыми мыслями и демонстративным поведением увидеть скрытые подлинные желания и мотивы, о которых не знает даже их носитель. Знание механизмов превращения внутренних, скрытых желаний во внешние цели и поступки, часто прямо противоположные внутренним пружинам, позволяют, например, находить правильные пути выхода из психически сложных состояний, корректировать поведение и т.д.

В анализе превращенных форм К.Маркс, по существу, открывает мир знаковых форм, которые через множество опосредований скрывают подлинный свой смысл и требуют для своего понимания специального изучения². В то же время этот анализ не только обладает большой эвристической силой, может служить методологической основой для понимания многих современных экономических явлений, связанных с функционированием фондового рынка, торговлей правомочиями и пр., но и имеет определенную историческую ограниченность, так как К.Маркс имел дело прежде всего с реальным товарным миром и считал, что

² См. более обстоятельно об этом в [4, 13] .

преодоление товарной формы сделает отношения прозрачными и ясными. Эта ограниченность была обусловлена исторически и проявлялась, например: в рассмотрении денежной формы стоимости наряду со всеобщей, хотя первая является лишь ступенью в развитии второй; в трактовке сущности денег как товара, выполняющего роль всеобщего эквивалента, хотя самый современный анализ позволяет рассматривать и товар как представителя и реальный знак стоимости, наряду с другими формами реального представления стоимости. Деньги, таким образом, оказываются представителем стоимости как эквивалента независимо от того, что представляет стоимость – товар, золотые, бумажные или электронные деньги. Это позволяет синтезировать марксистскую и различные функциональные теории денег, объяснив одновременно исторические и логические их границы. Именно таким образом работает методология “Капитала”.

Всегда так бывает, что подлинно научное произведение, теоретически адекватно воспроизводящее сложный развивающийся объект, обладает большой эвристической силой. В нем обнаруживаются все новые аспекты, актуализирующиеся вместе с развитием объекта. Именно таким произведением является “Капитал”. В этом плане хотелось бы указать на марксов анализ, говоря современным языком, экономического пространства и времени.

В начале XX века великий А.Эйнштейн создал теорию относительности, в которой, в частности, показал относительность пространства и времени, возможность превращения времени в пространство и наоборот. Время оказалось просто еще одним измерением четырехмерного пространства-времени. То, что и в голову не могло прийти на уровне обыденного сознания (например, изменение длины предмета при больших скоростях движения) стало научно доказанным положением, подтвержденным экспериментально.

В свете этого неудивительно, что М.Бакунин, делясь своими впечатлениями о “Капитале” К.Маркса, заметил, что К.Маркс, наверное, пошутил, говоря об овеществлении времени. Но это была не шутка.

Исследуя феномен воплощения общественно необходимого времени труда в товаре, К.Маркс по существу анализирует превращения времени в пространство товара. По Марксу, стоимость – это общественно необходимое время труда, воплощенное в товаре, а значит, и в том физическом пространстве, которое занимает товар. Правда, в результате этого физическое пространство становится вместе с тем и социальным. Но это совпадение физического и социального (точнее экономического) пространства является лишь исходной формой развития собственно экономического пространства-времени. Воплощение стоимости в реальных золотых деньгах как всеобщем эквиваленте, отделяет экономическое пространство-время от физического пространства товара, но сохраняет его в физическом пространстве реальных денег (золота). В современном мире с развитием идеальных (электронных) денег экономическое пространство обособляется от своих конкретных форм и выступает в своей чистой форме. Деньги уже представляют стоимость в чистом виде, как сгусток общественно необходимого времени, его пространственную локализацию, как время, ставшее экономическим пространством и приобретшее единую форму экономического пространства-времени. Теперь стало возможным в считанные секунды (практически мгновенно, преодолевая время) перемещать посредством электронных переводов денег огромные богатства из континента на континент, уплотнять и разрежать экономическое пространство.

Для богатого человека как владельца сгустка экономического пространства-времени, позавтракать в Нью-Йорке, а поужинать в Париже – не проблема. Это “не расстояние” и не “время”. Или: это такое расстояние и время, которые стоят, скажем, 1000 долл. США. А бедный человек может несколько лет работать, чтобы накопить сумму денег, позволяющую преодолеть физическое пространство, например, между Киевом и Парижем. Стоимость – это экономическая форма преодоления ограниченности физического пространства и времени.

Исходя из марксовой теории стоимости, прослеживая реальные ретроспективные и перспективные изменения товарного мира, можно понять как те зачаточные формы, в которых стоимость воплощалась в докапиталистическом мире, так и те, в которых она будет функционировать в будущем постиндустриальном, постэкономическом, информационном обществе. Отпадут формы овеществления времени в товаре и реальных деньгах, произойдет отделение времени труда от времени производства блага, господствующие в обществе блага потеряют вещественный характер (информация, способности людей), и стоимость превратится в необходимое время воспроизводства блага. Такая теория стоимости, внешне, казалось бы, ничего общего с трудовой теорией стоимости К.Маркса не имеющая, прямо вытекает из нее как из своего логико-исторического основания и приобретает новый образ вместе с новой формой общества, в котором она функционирует. На основе этой теории можно объяснить стоимость и прав, и информации, и идеальных продуктов, что необъяснимо с точки зрения трудовой теории стоимости, понимаемой догматически.

Анализируя стоимость, К.Маркс за полвека до А.Эйнштейна открыл относительность пространства и времени в экономической сфере. И это опережение имеет также историческое объяснение. Экономика, ее движение гораздо ближе (пространственно и исторически) человеку и практически актуальнее для него, чем мир больших (космических) расстояний и скоростей. И, право же, отказываться от методологических возможностей “Капитала” К.Маркса было бы очень неразумно и непрактично.

Маркс выявляет двойственность, а в перспективе полисистемность мира, а, вместе с тем, целый ряд системных социальных качеств, носителями которых являются вещи благодаря тому, что они включаются в систему общественных отношений, выполняя в них роль реальных, символических или идеальных знаков. Это находит классическое выражение в открытии двойственного характера труда. Всякий труд, созидающий товар, выступает, с одной стороны, как конкретный труд, характеризующийся определённой целью, характером операций, предметом, средствами и результатом (например, труд столяра, портного и т.д.) и созидающий потребительные стоимости, с другой – как абстрактный труд, т.е. затраты человеческой рабочей силы, труда вообще безотносительно к его конкретной форме, приобретающие в условиях товарного производства общественный характер и созидающие стоимость. На этом открытии двойственного труда основан весь последующий анализ, понимание сути капиталистического производства, динамики стоимости рабочей силы и зарплаты, изменения органического строения капитала и нормы прибыли, земельной ренты, соотношения товарного и денежного мира, а в современных условиях – реальной и виртуальной экономики и т.д.

Понимание двойственного характера труда как исторического продукта развития товарного производства позволяет раскрыть как его исходную основу, заключённую в форме совместно-разделённого труда, порождающего в процессе исторического развития, с одной стороны, обособление и разделение, с другой – кооперацию и обобществление труда, разделение труда на частный и общественный, абстрактный и конкретный, так и его перспективную форму, представленную всеобщим трудом, в котором снова сливаются частный и общественный, абстрактный и конкретный труд, обособление становится тождественным обобществлению и т.д. Например, труд учёного, который, работая один в кабинете, через Интернет пользуется лучшими библиотеками мира, использует результаты труда, идеи своих предшественников и современников. Его труд формально предельно обособлен (он работает один), но реально обобществлён и скооперирован не только с современниками, но и с предшественниками.

К.Марксу в “Капитале” удалось найти решение проблемы, которую до него никто не мог решить. Он объяснил возникновение прибавочной стоимости без нарушения закона стоимости. Суть проблемы состоит в следующем: если товары обмениваются по стоимости как эквиваленты, то прибавочная стоимость не может

возникнуть; если же прибавочная стоимость возникает, то нарушается закон стоимости. К.Маркс показал, что в капиталистическом производстве функционирует особый товар – рабочая сила (способность человека к труду), который, как и всякий товар, имеет потребительную стоимость и стоимость. Его стоимость определяется затратами труда на воспроизводство рабочей силы, т.е. затратами на производство товаров и услуг, которые необходимы рабочему для удовлетворения его физических и духовных потребностей на общественно нормальном уровне. Капиталист, покупая у рабочего его рабочую силу, полностью оплачивает её стоимость. Но после этого рабочая сила находится в распоряжении капиталиста и в течение рабочего дня создаёт большую стоимость, чем стоит сама. Этот излишек созданной стоимости над стоимостью рабочей силы и представляет прибавочную стоимость. Если, например, рабочий, работая 8 часов в день, создаёт стоимость, равную стоимости его рабочей силы, за 5 часов, то 3 часа он будет работать, создавая прибавочную стоимость. Таким образом, противоречие между законом стоимости и существованием прибавочной стоимости разрешается посредством купли-продажи рабочей силы, в процессе использования которой создаётся стоимость больше стоимости её самой.

Основываясь на этом открытии, К.Маркс вводит деление капитала на постоянный и переменный, которое, в отличие от существовавшего и до этого деления на основной и оборотный капитал, позволяет исследовать сущность процесса производства прибавочной стоимости.

Как бы ни оценивалось в идеологическом плане учение о прибавочной стоимости, нельзя отрицать того факта, что в процессе производства происходит увеличение стоимости и ее избыток над затратами принимает в своем движении различные формы (прибавочного рабочего времени, готовой продукции, товаров на складах, денег, прибыли, земельной ренты и т.д.). Все эти конкретные формы исследовались экономистами до К.Маркса, но никто не смог свести их к внутреннему единству, субстанциональной основе, проанализировать прибавочную стоимость как таковую, раскрыв тем самым глубинную сущность превращенных форм, выступающих в виде прибыли, ссудного процента, земельной ренты, предпринимательского дохода и т.д.

Увеличение прибавочной стоимости (времени и продукта было, есть и будет основанием для накопления и возрастания богатства общества, независимо от того, как оно распределяется между его членами. Проблема прибавочной стоимости – это сущностное выражение проблемы экономического прогресса, в отличие от научно-технического, социального, политического и других видов прогресса и в сопряжении с ними.

К.Маркс подчёркивал прогрессивность капиталистического строя по сравнению с предшествующими формами общества, раскрывал его огромные возможности в развитии производительных сил, но в то же время показал, что капитал в своём развитии наталкивается на собственные границы. Увеличивая техническую оснащённость труда, повышая его производительность, капитал увеличивает свою постоянную часть и относительно сокращает переменную, которая создаёт прибавочную стоимость. Тем самым сужаются возможности воспроизводства капиталистического способа производства.

Основываясь на этих выводах и исследуя процесс накопления капитала, т.е. обратного превращения созданной прибавочной стоимости в капитал, К.Маркс показывает, как происходит поляризация общества, накопление богатства – на одной стороне и ухудшение положения трудящихся (относительное, а иногда и абсолютное) – на другой. Именно из раскрытия исторической тенденции накопления капитала делается вывод о неизбежности замены его новым обществом.

Эти положения К.Маркса подвергались, пожалуй, наибольшей критике. К.Маркс, исследуя накопление капитала, опирался на большое количество статистических данных, конкретные примеры. Естественно, за почти полтора века эти статистические данные устарели. Современный рабочий, скажем, в США или странах Западной Европы – это достаточно обеспеченный человек, удовлетворяющий

свои потребности на достаточно высоком уровне. Отсюда делается заключение о неверности и устарелости выводов К.Маркса. Однако методология К.Маркса, как уже было сказано, отвергает прямое наложение теоретической схемы на действительность. Она состоит в том, чтобы, опираясь на научное знание объекта исследования, изучать все его изменения и в соответствии с этим корректировать и развивать теорию. На определённом этапе развития капитализма доля стоимости рабочей силы во вновь создаваемой стоимости понижалась. Это исторический факт. Кстати, он не означает, что жизненные условия рабочего становятся хуже. Ведь вследствие роста производительности труда относительно меньшая стоимость может быть представлена большим количеством товаров и услуг. Но дело даже не в этом.

После разрушительнейшего мирового экономического кризиса 1929–1933 гг., который действительно сопровождался существенным ухудшением положения трудящихся, продемонстрировал ограниченность рыночного саморегулирования и необходимость включения механизмов государственного регулирования, реагируя на вызов стран, реализующих историческую альтернативу капитализму, последний вынужден был приспосабливаться к новым реалиям. Начинает развиваться система социального и пенсионного страхования. Производство постепенно приобретает такой характер, при котором квалификация работника, его культурный уровень и творческие способности становятся все более определяющим фактором экономического роста. Стало выгодным вкладывать средства в человеческий капитал. Это обеспечивало стратегический успех в конкуренции и получение большей прибыли.

Однако эти процессы выходят за рамки капитала и являются его отрицанием в собственных пределах. Всё это привело к тому, что доля стоимости рабочей силы во вновь созданной стоимости сначала перестала падать, а потом стала увеличиваться. Время начала роста доли стоимости рабочей силы во вновь созданной стоимости есть математически точно определяемая граница начала социализации капитала, становления элементов нового социально-экономического устройства в недрах старой формы общества.

Таким образом, заключённая в развитии капитала объективная тенденция социализации производства исторически реализовалась двояким образом. Одна линия была связана с победой “социалистической” революции в странах, где, с одной стороны, капитал получил достаточное развитие, с другой – он ещё находился в среде докапиталистических отношений, в силу чего противоречия самого капитализма переплелись с противоречиями капитализма и предыдущих укладов, что создало объективные предпосылки для революционных действий. Однако те же условия, которые сделали возможной политическую революцию, определили невозможность прямой экономической реализации социалистических принципов в силу неразвитости объективных предпосылок. В этой ситуации идея социализма могла быть реализована только силой прямой подгонки действительности под соответствующий образ мира, что закономерно проявляется в создании административно-командной системы. На этапах раннеиндустриального общества, массового машинного производства типовых товаров административно-командная система справлялась со своими задачами, что нашло выражение в более быстрых темпах развития стран, именовавших себя социалистическими, по сравнению с капиталистическими. Но по мере развертывания научно-технической революции, возрастания динамизма производства, быстрой смены товарной номенклатуры и индивидуализации производства товаров и услуг директивно-плановая система исчерпала себя и нуждалась в замене более гибкими механизмами обеспечения экономического развития. Всё это через ряд неудачных попыток реформирования хозяйственной системы в советском обществе заканчивается демонтажом административно-командной системы.

Однако революция начала 90-х годов XX века, по существу, повторила революцию 1917 г. только с обратным знаком. Если революция 1917 г. насильно подогнала действительность под абстрактную форму будущего, зряшно отрицая всё капиталистическое, то революция начала 90-х годов точно так же зряшно отрицает всё

соціалістическе, повертає, по суті, суспільство на цілий век назад. В результаті глави “Капітала” К.Маркса, які присвячені первонаочальному накопленню капітала і з точки зору фактичної, казалось бы, навісегда устаріли, оказались неочікувано дуже актуальними. Ми зіткнулись з тими же процесами широкого обнищення мас, відносительного і абсолютного погіршення положення трудящихся, розшарування і поляризації суспільства з точки зору багатства, які були присущі первонаочальному накопленню капітала, описаному К.Марксом. В початку століття все підвергалось обобществленню незалежно від техніко-технологічної готовності до цього процесу, в кінці – все підвергається розгосударствленню і приватизації, знову-таки незалежно від техніко-технологічної цілесобразності.

Револуція кінця ХХ століття є прямою генетичною наслідницею револуції початку ХХ століття і по методології перетворень, і по історическому місцу, так як вона завершує лінію зовнішньої історическої альтернативи капіталізму, побудовану на реалізації абстрактної схеми майбутнього шляхом насильственої підгонки під неї дійсності.

Друга лінія, як уже було відзначено, реалізовувалась під впливом історическої альтернативи капіталізму (і в цьому також заключено історическе значення советського досвіду) шляхом соціалізації самого капітала. В результаті в розвинутих країнах ми маємо не чисто капіталістическу, а змішану економіку, о чому можна прочесть в усіх західних підручниках. Це суспільство, хоча і має капіталістическу основу, але в своєму здійсненні виходить далеко за її межі, реалізуючи в багатьох історически протилежних капіталізму тенденцій.

Слід відзначити, що “практика соціалістического будівництва” в советському суспільстві не просто не погоджувалась з методологією “Капітала”, а прямо їй протирічила. Вона тільки формально використовувала марксистську термінологію, наповнюючи її часто зовсім іншим змістом. Разом з тим адекватно застосована методологія “Капітала” дозволяє зрозуміти не тільки природно-історический процес соціалізації капітала, але і визначену закономірність його історических колізій, неминучість від'ємного досвіду для досягнення позитивного результату.

Крім того, зовнішня альтернативність капіталізації і соціалізації історически ще себе не висчерпала. Досвід сучасного Китаю, який відкриває простір для розвитку капіталістических форм в тих областях економічного простору, де вони виявляють свої переваги і техніко-технологічно не висчерпали себе, значно більше відповідає природно-історическим підходам К.Маркса. Головне – не перемигати через закономірні етапи (падаючи, як правило, в пропасть), а створювати можливості для розвитку і історического висчерпання закономірних форм.

Незалежно від того, буде чи капітал в історически оглядній перспективі залишатись економічною основою суспільства, на якій розвиватимуться протилежні йому процеси соціалізації, чи він висчерпає свої можливості, поступив місце іншій основі, і той, і другий варіанти можуть бути осмислені тільки на основі вивчення внутрішніх закономірностей розвитку капітала, початковий теоретический аналіз яких дан в “Капіталі”.

Достатньо повне розуміння “Капітала” можливо тільки разом з його підготовчими матеріалами, які часто розкривають Марксову методологію глибше, ніж науково оброблені висновки, що містяться в “Капіталі”. В цьому аспекті варто звернути увагу на марксове розуміння прибавочної вартості як перетвореної форми вільного часу. Перводісно людина витратив все своє вільне від задоволення природних потреб час на одержання засобів до існування. Тому все його вільне час виступало в формі необхідного. Але по мірі удосконалення інструментів і підвищення продуктивності праці це необхідне час скорочується, в результаті чого утворюється нове по своєму змісту вільне час. Однак останнє знову заповнюється

трудом, превращаясь, таким образом, в прибавочное время труда. Вместе с этим появляется возможность присвоения прибавочного времени, труда и продукта производителя другими людьми, что реализуется сначала в рабовладельческом, затем в феодальном и, наконец, в капиталистическом обществе. То, что сначала было свободным временем, благодаря заполнению его трудом, стало прибавочным, воплотившимся затем в прибавочном продукте. Последний, в свою очередь, превратился в капиталистическом обществе в прибавочную стоимость. Это создало экономический базис, с одной стороны, для высвобождения части рабочего времени и превращения его в свободное время развития человека, с другой – для превращения времени труда во время свободного развития человека, благодаря изменению содержания и характера труда, превращению его из средства зарабатывания на жизнь в форму самовыражения и самореализации человека в производственной сфере.

Это означает, что вся экономическая история человечества представляет собой историю создания человеком свободного времени как пространства для своего развития. Однако в ходе исторического развития свободное время приобретает превращенные и отчужденные от человека формы прибавочного времени (труда, продукта, стоимости). Вместе с тем это отчуждение создает объективные предпосылки для своего собственного отрицания и возвращения свободному времени (на новой исторически обогащенной основе) его подлинного смысла как времени свободного всестороннего развития человека.

“Капитал” К.Маркса, таким образом, является подлинно гуманистическим произведением, превращающим гуманизм из абстрактного лозунга и призыва в научно обоснованную, реализуемую в самой действительности тенденцию развития человеческого общества. Он раскрывает исторический путь через отчуждение к свободе и вместе со всеми предыдущими и последующими научными достижениями дает методологию преобразования мира.

Литература

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – 5-е изд., т. 29. – Изд-во политической литературы. – М., 1973. – 783 с.
2. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело ЛТД, 1994. – 720 с.
3. Гальчинський А.С. Суперечності реформ: у контексті цивілізаційного процесу. – К.: Українські пропіллі, 2001. – 320 с.
4. Дерріда Ж. Привиди Маркса. – Харків: Око, 2000. – 272 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – Т. 42. Изд-во политической литературы. – М., 1974. – 536 с.
- 5а. То же. – Т. 13. Изд-во политической литературы. – М., 1959. – 771 с.
- 5б. То же. – Т. 23. Изд-во политической литературы. – М., 1960. – 908 с.
6. Гегель Г.-В.Ф. Наука логики. В 3 т. – М.: Мысль, 1970–1972.
7. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – Пг. Прибой. – 1924. – 218 с.
8. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогообложения // Сочинения. – Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1955. – 360 с.
9. Маршалл А. Принципы экономической науки. В 3 т. – М.: Прогресс, 1993–1994.
10. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Прогресс, 1978.
11. Гриценко А. Эволюция стоимости. – Экономика Украины. – 2001. – № 4. С.45–55.
12. Постижение Маркса (по материалам научной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения К.Маркса). М.: Издание Московского университета. ТЕИС, 1998. – 376 с.
13. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М.: Художественный журнал, 1999. – 236 с.